

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

№1-2 (7-8)

январь-февраль

2006

содержание

ЭКОНОМИКА

- Байнёв В. Ф.* Парадокс неэффективного частного
собственника как фактор кризиса
рыночно-капиталистической идеологии
новой политэкономии 3
- Пелих С. А.* Структурная политика государства на
современном этапе трансформации 23
- Дятлов С. А.,
Селищева Т. А.* Развитие ИКТ-сектора как фактор
экономического роста 31
- Масленченко С. В.* Экономико-политические аспекты
интернет-пространства 37

ОБЩЕСТВО

- Субкоманданте
Маркос* Четвертая мировая
война началась! 50
- Криштанович Л. Е.* Не сходить с орбиты 62
- Радцевич А. В.* Историко-экономические условия
становления права человека на
достойную жизнь 68

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- Шлепнин Г. В.,
Шиптенко С. А.* Напраслина 87

Историко-экономические условия становления права человека на достойную жизнь

Радцевич Анатолий Васильевич
Аспирант РГСУ (г. Москва)

Неоспоримо велико значение и последствия действий экономических факторов на формирование и развитие конституционного права человека на достойную жизнь. Развиваясь бок о бок, духовные и экономические начала права человека на достойную жизнь, еще задолго до появления в XVIII веке самой идеи о праве человека на достойное существование, создали предпосылки для будущего разнонационального ее понимания. Формируясь в русле духовных устоев и воззрений, экономические отношения здесь постепенно занимают доминирующее положение, отодвигая и вытесняя из жизни человека преобладающее от природы духовное естество. Материальные вещи, желание обладать ими при минимальных затратах усилий, или, как говорится в народе, «на халяву», становятся основным смыслом жизни человека. Эксплуатация человека человеком в целях обладания этими вещами на протяжении всей истории человечества является типичным явлением, а в XX–XXI вв. достигает апогея. Характеризуя догосударственное общество состоянием «войны всех против всех», Гоббс и не подразумевал, что такое состояние наступит и в будущем – в межличностных отношениях человеческого сообщества. Сегодняшние отношения между людьми в гонке за удовлетворением материального интереса, наверное, можно выразить известным афоризмом: «Человек человеку волк».

Но всегда ли это было так? Действительно ли русский человек отличается от представителей других народов, например американцев, немцев, французов и т. д.? Отличается ли наше национальное понимание достойной жизни от общепринятого?

Влияние духовных основ жизни русского народа на второй элемент права человека на достойную жизнь – материальный – никто не оспаривает и не подвергает сомнению. Общепризнанно, что эконо-

мический уклад древнерусского государства развивался под влиянием религии, которая через человека определяла экономические приоритеты и отношения. В экономических отношениях у нас всегда на первом месте, и притом остро, стоял переплетенный земельный и крестьянский вопрос, или, иначе – отношения «частной поземельной собственности и личного рабства». Так, в народном понимании, пишет Б. Л. Бразоль, «социальная справедливость ... связывается с представлением о земле» [14, с. 95], которое «никогда ясно не определялось в уме у мужика. Когда бы ни затронули аграрный вопрос, он всегда представляет некоторые драматические аргументы...» [14, с. 96]. Причину драматизма земельных отношений на Руси Н. Бердяев видел в том, что «очень сильна была в русском народе религия земли...» [10, с. 18]. В представлении народа, в своем единстве русская земля всегда выступала в качестве огромного живого существа. О ней слагались песни и былины, прославлялась ее живородная сила и спасительные свойства, на отмеченных чудесами местах воздвигались храмы, куда спешили паломники, дабы успеть причаститься к чему-то священному и божественному. Учитывая безграничные и малозаселенные, дикие пространства Руси, к которым еще не прикасалась рука человека, а если еще впоследствии эти места проявляли чудодейственную силу, то эта вера была вдвойне сильнее. Ибо все это, как напишет Пушкин, «русским духом пахнет». В битвах с врагами русский человек также первым делом всегда вставал на защиту своей веры, земли и Отечества. Поэтому и непонятен иностранцам характер русских, ведь в нем силелись

святость, преданность, самоотверженность и безграничность.

Русь, благодаря господствовавшему родовому быту, не знала сословий и не имела понятия о личной собственности, суждения о которой в народе, по мнению Бердяева, «определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку» [10, с. 59], в связи с чем крестьянин и не питал к ней ни малейшего уважения, а землю считал общественной. По мнению Гакстгаузена, «деление земли по душамъ – первобытный принципъ славянскаго права – принципъ о нераздельномъ общемъ владеніи всемъ родомъ» [56, с. 193]. Хотя институт личной собственности и существовал по *Русской правде*, однако под ним понимались только движимые вещи. Норм, определяющих объем, содержание, порядок владения, пользования и распоряжения землей и поземельной собственностью, за исключением двора, не было. В связи с этим Д. Я. Самоквасов писал о том, что «первобытный принципъ и развитіе поземельныхъ отношеній у славянскихъ народовъ, нетронутыхъ европейскою цивилизаціею, глубоко отличаются отъ техъ же отношеній у народовъ германскихъ и романскихъ. Въ европейскихъ языкахъ часто даже не достаетъ словъ для полнаго, яснаго и вернаго выраженія этихъ отношеній...» [56, с. 192].

Земельный вопрос всегда был связан с обширной территорией страны и ее малозаселенностью. Отсюда стремление правительства удерживать крестьян на земле различными способами. По этому поводу О. Ключевский пишет, что «основанием податного обложения у нас исстари служила экономическая сила – земля...» [23,

с. 747]. И далее: «При безграничном пространстве эта ... земля получала ценность только тогда, когда на нее садились рабочие крестьяне» [23, с. 463], а «если человек оторвался от земли, то он становился для государства неуловимым» [23, с. 463]. Крестьяне — кроме того что были основным населением Российской империи¹ — являлись также главным источником доходов казны государя Московского и великого князя², средством обогащения бояр. Отсюда и проблема «коренной язвы русской жизни» [12, с. 73] — как выразился Тургенев о крепостном праве.

Социальное неравенство, отделявшее одни слои общества от других на протяжении всей истории Древней Руси и Новой России, было, можно сказать, существенным. Так, например, по *Русской правде*, жизнь боярина ценилась в 16 раз дороже, чем жизнь смерда (свободное сельское население). Горожане тоже ценились выше сельского населения. Несвободные селяне — челядь или рабы — считались вещью, а не лицом. Владелец имел полную собственность над рабом, мог им свободно распоряжаться, даже убить безнаказанно. Происхождение рабства (холопства) было также различно. Например, по *Русской правде*, холопами становились в результате: 1) военного плена; 2) самопродажи в холопство и продажи на основании прежних прав; 3) принятия в супружество женщины рабского происхождения; 4) приплода от рабыни; 5) когда свободный человек без всякого договора становился должностным лицом у частного человека (тиун, ключник и т. п.); 6) неоплатного долга; 7) если при пайме смерд брал плату, ссуду или если бежал раньше срока.

Действие этих положений просуществовало вплоть до принятия *Судебников*. В то же время литовско-белорусское шляхетское право, имея одним из своих источников ту же *Русскую правду*, сокращало общее число источников рабства и ограничивало некоторые из них. Так, например, В. И. Пичета пишет, что «эпоха *Литовского статута* уже не знает холопства “по тиунскому ключу”, “без ряда”, что еще допускается в *Русской правде*» [44, с. 297]. Ограничения были установлены и при самопродаже (или продаже жены и детей) в рабство. Такой акт считался недействительным, если был совершен во время голода.

Все это было обельное, или полное, холопство, просуществовавшее на Руси до конца XV века [24, с. 324]. С этого же времени появляется неполное холопство. Так, закуп (наймит) времен *Русской правды*, закладень удельных веков, как и закладчик XVII века, не были холопами. Неволя за долги могла быть прекращена по воле заложившего их лица или погашением, отработкой задолженности [34, с. 56]. Холоп, по *Русской правде*, — это раб, бесправная вещь, не обладающий гражданской правоспособностью и дееспособностью, не подлежащий даже наказанию. Крестьянин после закрепощения — тот же раб, но только с правами. Причем крепостного права как такового до 1762 года в России, а на землях Белоруссии — до шляхетских статутов не существовало и не могло быть, ввиду того что не было «свободного, всеобщего и повсеместного права землевладельцев всех разрядов переходить от одного землевладельца к другому и с одной земли на другую; а за отсутствием общего свободного перехода крестьян»

... не могло быть и общего закона о прикреплении крестьян...» [56, с. 298]. До сих пор нет и единого мнения о происхождении крепостного права.³ Однако несомненно одно: на Руси существовали поземельные отношения. Состав крепостных также разнообразен. Это и все слои свободного населения, и рабы, образовавшие одну крепостное сословие. Уже только вследствие этого их правовой статус был иной, нежели раньше.

Различия юридического неравенства было неравенство экономическое. Практически все исследователи сходятся во мнении, что положение холопа, а затем и челяди невольной было невыносимым еще во времена *Русской правды*. Хозяйственное положение крестьянина XVI века также было независтливое, «это был в большинстве малоземельный и малоусидчивый хлебопашец, весьма задолженный, в хозяйстве которого все, и двор, и инвентарь, и участок, было наемное или заемное, который обстраивался и работал с помощью чужого капитала, платя за него личным трудом, и который под гнетом повинностей склонен был сокращать, а не расширять дорого оплачиваемую запашку» [24, с. 80]. Тяжелое материальное положение и невыполнимые долговые обязательства только способствовали развитию неравенства.

Вот как писал по этому поводу Д. Я. Самоквасов: «В древней России крепостное состояние вольного человека начиналось временем первоначального обзаведения хозяйством на чужой земле, за чужой счет, “съ подмогаю” — “покругою”, составлявшее основание финансовой зависимости закупа, изорника, серебряника, полонника к его господину — владель-

цу земли, — кредитору, получавшему личные и имущественные права надъ своимъ должникомъ определенные постановлениемъ о закупахъ-наймитахъ Русской Правды сохранившимися силу до издания Судебниковъ» [56, с. 296]. Именно с этого, по мнению многих исследователей, началось закрепощение крестьян. Впоследствии «тягловый характер московского государственного порядка» [24, с. 216] явился одной из причин и Смутного времени.

В этих «тягловых» отношениях основной формой эксплуатации являлся человек и его физические возможности. На него смотрели не как на человека, а как на способ пополнения государственной казны, средство извлечения личной выгоды. Причем именно такое отношение к человеку со стороны государевых людей стало повсеместно утверждаться еще со времен Петра I, им же оно было положено в основу жизнедеятельности государства. Проводимые Петром реформы, направленные на расширение территории России, создание признаваемой в Европе державы, утвердили в стране, согласно замечанию Костомарова, господствующее правило, в соответствии с которым «в государстве все должно быть устроено как можно прибыльнее для государственной казны» [35, с. 192], доходность которой при Петре выросла в 3 раза. Средство пополнения казны Петр I видел в налогах, которые «есть артерии войны». Усиление налогового гнета при царях Древней Руси и Новой России в первую очередь отражалось на простом народе⁴, быт и нравы которого отличались простотой и отсутствием излишеств [36]. «Трудовое поколение, которому достался Петр, работало не на себя, а на государство и после уси-

ленной и улучшенной работы ушло едва ли не беднее своих отцов» [25, с. 144].

Плата за труд, выполняемый холопами, крестьянами, как казенными, так и помещичьими, была несоразмерной проделанной работе. Трудясь, порой в печеловеческих условиях, рабочие на судостроительных верфях, строительстве Петербурга, рытье каналов получали по 1 рублю в месяц жалованья, а порой и того меньше. «Указы того времени не устраивали, а, наоборот, узаконивали произвол хозяев и прямо были направлены против рабочих» [61, с. 11]. Малая обеспеченность, малое жалованье приводили к более широкому развитию на Руси имевшейся бедности, появлению разбойников, краж, подкупов и бунтов, «соединяющих начала крайней и бессмысленной жестокости и инерционной религиозности» [31, с. 56]. Вот как один из тогдашних современников Ю. Крижанич характеризовал это время: «Отсюда происходит крайнее неуважение и холодность к делу, и многие придавленные нуждой забывают пользу своего народа и за подарки сходятся с иноземцами за всякие неприличные сделки» [35, с. 184]. Почти все те, от кого «зависит государственное решение того или иного вопроса, кормятся... продажей правды» [35, с. 183].

Государство в Древней Руси, издавна опиравшееся на низшие классы, добровольное единение государственной и церковной властей, с конца XVII века начало видеть опору в дворянстве, которым «Петр I ограничил свое преобразование» [51, с. 489]. Единение, насчитывавшее более 700 лет истории, разорвано, церковная власть унижена, авторитет низложен, «ибо церковная реформа Петра была унич-

тожением прежних церковных основ русской жизни» [20, с. 245].

Видя «истоки реформ царя Алексея Михайловича и Петра I ... в техническом и культурном превосходстве Запада» [41, с. 33], в народе формируется и соответствующее представление о духовных устоях тогдашнего западного общества. «Душа у них-то не такая, как у нас. У них она овеществленная, материальная, корыстная» [23, с. 532] — высказывает В. Ключевский общепризнанное мнение. Внедрение иноземщины сверху вниз способствовало тому, что «обезьяническое перенимание приемов чуждой образованности мало ... содействовало самобытному развитию духовных сил народного творчества, а еще менее благосостоянию народа. Последующая история это неоднократно доказала...» [35, с. 194].

Отстаивая преимущества древнерусского, донетровского, уклада жизни народа, К. Кавелин пишет, что «посторонние начала никогда не были насильственно вносимы в жизнь русских славян». Единственные, которых можно было бы приписать — варяги, — утонули и распустились в славянском элементе. Посторонние явления были, это несомненно. Но они не были выпущены, извне налагаемые, а естественные, свободно принимаемые. Вряд ли они были сильны...» [21, с. 13].

Большинство русских духовных и вообще благочестивых людей того времени ненавидело реформы Петра [35, с. 289]. «Возникает небывалое до тех пор еще в мировой истории событие, народ начинает бороться с царем, как с Антихристом...» [6]. Костомаров по поводу результатов деятельности Петра I пишет, что нововведения «научили русских бросаться на внешние при-

знаки образованности, часто с ущербом и невниманием к внутреннему содержанию» [35, с. 290]. И поэтому «Россия с Петра перестала быть понятной русскому народу» [59, с. 9]. В то же время Петр I оставил после себя громадное наследие, которым еще долгие годы пользовались потомки и которым гордятся до сих пор.

Законодательство того времени отличается запутанностью и противоречивостью [23, с. 719]. Законодательных актов, облегчающих положение населения в России, издано не было, «податная душа на тогдашнем рынке стояла не дорожке прямой и высокой ели» [23, с. 715]. Все это указывает на то, что человек в то время в расчет не принимался, нужна была только дешевая рабочая сила, поэтому и сгоняли людей со всей Руси на строительство государственных объектов.

Испокон веков в Древней Руси вплоть до XVI в. существовала свободная миграция населения. Именно свобода миграции и порождала ту «колонизацию-переселение», в результате которой образовывалось обширное русское пространство и появлявшаяся скудность населения на обжитых территориях, приводившая к нехватке рабочей силы. Основной причиной миграции было невыносимое материальное положение крестьян, как государственных, так и помещичьих. Это побуждало к исканию лучшей доли. Законным основанием миграции являлся «юрьев день», который Карамзин назвал «днем гражданской свободы крестьян древней Руси», когда крестьянин (не имевший долгов, не проданный в кабалу), убегая от тяжелых поборов и невыносимого гнета, мог спокойно уйти от одного помещика к другому.⁵ Кроме того, еще одним не-

легальным островком спасения от обид и тяжелого крестьянского бремени была Запорожская сечь, где беглые присоединялись к казакам, которые по сути также являлись беглыми крестьянами. Со временем их становилось все больше и больше, образовывались целые поселения, явившиеся впоследствии одной из движущих сил украинского национально-освободительного движения под руководством Б. Хмельницкого. Таким образом, до Петра, ввиду суровых исторических реалий, русские цари сокращали возможность реализации крестьянами права на свободное передвижение, но никогда не лишали крестьян основы их достоинства — личной независимости. Ими была установлена крепостная зависимость, но это не было крепостное право. Петр I же «заял страну в авторитарные тиски» [3, с. 168].

В царствование Екатерины II, которая, по словам В. А. Бильбасова, «своими делами напомнит Петра Великого» [11, с. 250], происходит окончательное оформление крепостного права на европейский манер, когда помещик становится типичным феодалом-душенриказчиком. То есть произошла замена чисто русского принципа общего служения государству западноевропейским «юридическим принципом частной собственности на тех людей, которые строили и защищали национальное государство» [57, с. 532]. «Крестьянство ... было превращено в частную собственность частных людей...» [50, с. 14]. Прямые налоги выросли в это время в 3 раза, налоги с нитий — в 6 раз. «Если в первый период прикрепление к земле трудящегося населения является государственной необходимостью, а уход и бегство населения — государственным

бедствием, то во второй период при крепление становится, наоборот, государственным бедствием, останавливающим всякое экономическое развитие страны, а уход населения — государственной необходимостью, которую надо всячески поощрять» [26, с. 63].

В Польше крепостное право было установлено еще в XIV веке, а после Городельского сейма (1413), подтвердившего объединение Литвы с Польшей, и издания Привилея Казимира (1447) произошло закрепощение крестьян и в Великом княжестве Литовском, по примеру Польши. Таким образом, на белорусских землях, крепостное право появилось раньше, чем в России, что способствовало миграции населения в эти земля для искания справедливости.

Крепостное право в послепетровской России было неизмеримо суровее, чем крепостная зависимость в Московской Руси или Польше. Безусловно, были и те, кто смотрел на крепостных как на простую частную собственность наравне с землей и рабочим инвентарем. Но человек человеку рознь и судить по отдельным негативным фактам о положении крестьян неправильно. «В России законом никогда не было предоставлено дворянам право жизни и смерти над их крестьянами...» [49, с. 310]. Так, по мнению С. Г. Пушкирева, «45 % крестьянства никогда не знали крепостного права.., а в дореволюционной России принято изображать положение всего крепостного крестьянства самыми мрачными красками...» [50, с. 13]. Отношение к крепостным не всегда было столь ужасным, как иногда описывается. Наибольший расцвет крепостного права пришелся на период правления Екате-

рины II, а уже при ее приемниках характер крепостного права смягчился. «Вообще мужика берегли, потому что видели в нем тягло, которое производит полезную и для всех наглядную работу. Изнурять эту рабочую силу не представлялось расчета, потому что подобный образ действий сократил бы барщину и внес неурядицу в хозяйственный распоряжения» [4].

Законодательство того времени также ограничивало произвол помещиков. Так, например, согласно «IX т. Свода законов, изданного в 1757 г., помещикъ имель право на трудъ крестьянъ, но также въ случае неурожая или голода — долженъ былъ давать крестьянамъ продукты для кормленія» [55, с. 306]. Как доказательство этого приводит свои доводы и К. Кавелин, указывая, что «значительная часть самых истинныхъ и искреннихъ деятелей по крестьянской реформе были истинные бояре... Кто не знавалъ на своемъ веку помещиковъ, вдававокъ крепостниковъ по убежденію, которые и во время крепостного права и во время его упраздненія поступали совершенно справедливо, безпристрастно и человеколюбиво, даже великодушно? ... Замечательно, что и крестьяне вполне доверяли такимъ людямъ, хотя и знали, что они по убежденію крепостники» [22, с. 172].

Таким образом, хотя допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически, но она выработывала себе единство и закрепляла свои окраины, хранила правослаvie, а русский народ принимал весьма активное участие в строительстве национального государства и никогда не гнушался этим участием.

Именно с петровской революции, или, иначе, потрясения, сдвига мож-

но говорить об ухудшении правового и экономического положения русского народа, растянувшегося на 125 лет. Только после периодов правления Екатерины II и Александра I появилось чувство национальной гордости, до сих пор дремавшее. Первые шаги по улучшению положения крестьян были сделаны еще при Павле I, сократившем барщину до 3 дней в неделю. «Это был первый закон, обнаруживший благоприятное расположение къ крестьянам, со времен ихъ подчиненія землевладельцам» [51, с. 151]. В последующие годы российские императоры постепенно шли к осуществлению давно зародившейся идеи — отменить крепостное право. И только в 1861 году эту роковую ошибку, легшую тяжелейшей ношей на народ, исправил Александр II, отменив в России крепостное право, просуществовавшее 100 лет.⁶ Причем замечательно, что освобождение крестьян, которое российские императоры «считали ... своим личным делом ... и отвергали в этом вопросе всякую частную инициативу» [51, с. 119], совершено было именно «вневедомственным порядком, на началах самодержавно-национальных». В подтверждение этого видный деятель партии социалстов-революционеров И. Бунаков еще до революции писал, что «в борьбе за землю между беднотой и богатыми, и те, и другие (московские цари и российские императоры. — *И. Б.*) всегда стояли за бедноту» [5, с. 43].

Подводя итоги крепостной зависимости, Н. Багров справедливо замечает, что «крепостное право, несмотря на короткий срок своего существования, оказалось по своим историческим результатам неоспоримо более вредным для русского народа, чем та-

тарское иго. Оно содействовало разложению духовных сил страны, развитию в народе пассивных черт характера, неудовлетворенности, восприимчивости к бунту...» [4].

Так, отмена крепостного права привела к росту производительности сельского хозяйства, повышению урожайности с 30 до 40 % к концу XIX в., несмотря на то что за это время голод приходил в Россию 7 раз, и 4 раза страна оказывалась на грани голода [54, с. 57]. Зажиточное крестьянство в те годы составляло до 20 %, середняки — до 30 % всего населения России [54, с. 56]. «Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века, — пишет И. Г. Будак, — внесли существенные изменения в систему государственного управления в России и явились шагом по пути превращения России из феодальной монархии в монархию буржуазную» [15, с. 3]. Согласно статистическим данным за 1892 год, средний годовой доход российского крестьянского двора составлял 153 швейцарских франка, а Россия занимала третье место в мире по уровню доходов сельского населения — после США (1250) и Германии (450) [54, с. 19]. Отменой крепостного права разрешается крестьянский вопрос, связанный со «свободой воли», но остается пока еще не разрешенным второй вопрос — земельный. Разрешение же этого вопроса было достигнуто благодаря политике П. А. Столыпина.

Реформы, проводимые в начале XX века Петром Столыпиным, позволили поднять экономику страны и благосостояние населения на недостижимый до этого уровень. Совокупность сделанного им «состоит в умиротворении России и в направлении к созидательной роли массы та-

ких силъ въ населеніи, которые или бродили въ шатаніях, или прямо шли къ потрясенію всех основ» [8, с. 8]. Как заметил бывший министр земледелия Кривошеин, «России необходимо 30 лет спокойствія, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной мира» [13, с. 13]. Так, до Первой мировой войны в России налоги были самыми низкими в мире, в том числе и с населения [13, с. 5], земледелие и промышленность были в полном расцвете, расширялось просвещение народа, благосостояние граждан неуклонно росло [46]. Таким образом, и вековой вопрос русского крестьянства — о распоряжении землей — был практически разрешен.

Однако не все было так гладко. Сословный строй российского общества предопределял права и свободы человека. Широко применялись телесные наказания, существовало неравенство перед судом, неравенство мужчины и женщины. Практически все исследователи русского и белорусского крестьянства отмечают беспросветную бедность на протяжении веков. Приводимые цифры, хотя и являются условными, однако позволяют сделать вывод о неудовлетворительном обеспечении государством достойной жизни своих граждан, поскольку в массе сельское население оставалось за чертой бедности. Причины крестьянской бедности, которые русское общество конца XIX — начала XX вв. видело в крестьянской малоземельности и тяжелых казенных платежах, не соответствовали действительности.⁷ Так, на начало XX века малоземельные составляли ¼ часть всего крестьянства, а налоги в 1899 году составляли 1 руб. 51 коп. на одну десятину земли, «сумма, которая могла

быть “непосильной” только для убогого и примитивного крестьянского хозяйства» [50, с. 357].

Б. Башилов объясняет вековую причину бедности русского народа «бедностью ископаемых восточной равнины» [7]. «Вообще Великая Русь, пишет Костомаров, — была страна бедная: ее богатства лежали в земле протопутыми, и те, которые обращали в обществе, распределялись неблагоприятным для массы народа образом. Самые бояре и знатные люди не так были богаты, как казались. Интерес казенный или царский поглощал все интересы» [37, с. 92]. Чернышевский причину народной бедности видел «дурном управлении» [60, с. 734]. Однако действительные причины бедности народа были иные.

Положение белорусского народа в протяжении веков оставалось не лучшим. Крещение Руси в X веке явилось отправной точкой дальнейшего различия и будущего раскола славянских племен «варваров». С этого же времени обозначилась и борьба между основными славянскими народностями «кресичей», народами русским и польским. Как пишет тот же Костомаров, «вплоть до Казимира Великого, в XIV веке русские и польские князья между собой то роднились, то дрались, и, вероятно, русские и польские земли с своими князьями и вечами смешались бы в один федеративный строй, если бы различие веры не положило между Русью и Польшею сильной исторической грани» [38, с. 2]. Впоследствии польский ученый-революционер И. Лелевель напишет, что Польша всегда выступала за дружественные отношения с Россией, установлению которых якобы мешало только русское самодержавие [47, с. 123].

В 1340 году на Руси уже можно было выделить три независимых и самостоятельных центра: Польский, Литовский и Московский — и каждый в свое время отстаивал правопреемство относительно Руси. Наиболее ярко свои права заявляет Великое княжество Литовское, в котором 18 поветов (из 22) были белорусскими землями. Польша в это время занята внутренними делами, ее взоры направлены пока только на Литву. Положение польского народа в это время было едва ли более сносное, чем белорусского или русского. Так, большинство исследователей истории и права польского народа отмечают бедность на протяжении веков, издавнее засилье «чужездного растения» — немцев, которым в государстве отданы все лучшие дела. Постепенно, в силу экономических, политических и географических причин, происходило слияние Литвы и Польши. Со второй половины XVI века эти два государства объединились в одно — Речь Посполитую, и «все ее историческія задачи (Великого княжества Литовского. — Р. А.) переняла на Польшу, и борьба с Москвою за Русь, возникшая с самого образования двухъ центровъ — Москвы и Литвы, сделалась теперь и признаніем Польши. Образовавшаяся изъ двухъ государствъ Речь Посполітая, принявъ въ себя, по отношенію къ русскому миру, прежнія отдельныя, какъ польскія, такъ и литовскія историческія преданія, продолжала оказывать покушенія овладеть остальною Русью, принадлежавшей Москве; съ своей стороны Москва, возрастая и укрепляясь, предъявляла свои права на русскія области, принадлежавшіе польско-литовской Речи Посполітой» [38, с. 3]. Так, на-

пример, на предложение польского короля Сигизмунда-Августа заключить вечный мир русский царь Иван IV дал такой ответ: «За королемъ наша отчизна извечная, Кіевъ, Волинская земля, Полацкъ, Витебскъ и многія другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ кролемъ миръ заключать? Если теперь заключить миръ вечный, то впредь уже черезъ крестное целованіе своихъ вотчинъ искать нельзя. А я крестнаго целованія никакъ нигде нарушить не хочу» [38, с. 4]. По этому же вопросу «бояре, въ переговорахъ съ польско-литовскими послами говорили: “Не только что русская земля вся, но и литовская земля вся — вотчина государя нашего”» [38, с. 5]. То же самое касается и тех времен, когда одна либо другая сторона оказывалась без наследников. В этих случаях считалось, что царство должно достаться по праву наследования. Вспомним хотя бы походы на Москву Лжедмитрия I и Лжедмитрия II или предложение литовской шляхты избрать на литовский престол Ивана III. Обоснованы были и обиды на титул русского царя — «царь всея Руси» — поляков и литовцев, видевших в нем как бы основу для посягательств на все русские земли, в том числе и белорусские.

Таким образом, прочного мира не было и не могло быть, что также влияло на экономико-политическое положение населения на этих сопредельных территориях. Смена политических режимов тяжело переносилась белорусским народом: общественный строй каждый раз менялся, однако неизменными оставались поборы.

Характеризуя уровень достойной жизни русского народа в те времена, Ключевский пишет, что «порядки самодержавно-русского правления так

тяжело ложились на низшие классы, что издавна тысячи народа бежали в безнравственную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось споснее» [24, с. 335]. Польша же, несмотря на наглядную независимость, на протяжении веков оставалась под пристальным взглядом то Российской империи, то европейских держав. Самостоятельности, в буквальном смысле этого слова, польская государственность почти не знает. В связи с этим и положение народа на землях, входивших то в состав Польши, то Великого княжества Литовского, то Речи Посполитой, было едва ли лучше, чем в России.⁸ Например, польский министр Скульский, приехавший за разрешением открыть белорусскую школу, отмечал, что «белорусов нет, что пройдет небольшой промежуток времени — и все белорусы станут поляками» [45, с. 33].

Проанализировав социально-экономическое, политическое и культурное положение Западной Украины и Белоруссии в составе Польши, В. Пичета пишет: «Белорусская и украинская деревня были районами смерти, а не жизни. Веселье и радость были недоступны ... дальнейшее существование ... привело бы народные массы к полному физическому вырождению» [45, с. 39–40]. Он же считает, что с конца XVI века начинается оборонительное национально-культурное движение-возрождение в Украине и Беларуси в защиту права на существование белорусской и украинской народности [17], то есть начинается борьба народа за право на достойную жизнь.⁹

«Вам мила ваша свобода: говорил москвич поляку в 1611 году, а нам лучше неволя, потому, что у вас не свобода, а своеволие. (Русский человек все переносит. — *Р. А.*), так как ...

его здравый ум говорил, что лучше перенести одного своего Грозного, Биропа, Аракчеева, чем подпасть подъ гентъ десятка или сотни такихъ разомъ. У васъ, — говорил онъ, — сильный можетъ у слабого отнять имене и самую жизнь. Искать же правосудия по вашимъ законамъ — долго, дело затянется на несколько летъ. А съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидеть послѣдняго простолюдина: по первой жалобе царь творить судъ и расправу... Намъ легче перенести обиду отъ царя, чемъ отъ своего брата» [38, с. 64].

Однако влияние реформаторских идей, обусловленное близостью Европы, здесь ощущалось раньше и полнее (в России, как известно, эпохи Возрождения не было). В связи с чем и тянулся народ на эти земли, точно так же как и в степи, в поисках призрачной свободы. Все это способствовало не только увеличению численности населения, делая белорусские земли своеобразным рубежом между Европой и Россией, но и тому, что на эти земли стали претендовать державы, видя в них свое национальное достояние. П. Валуев писал: «Где мы проведем границу между Польшей и нами и оставим себе соприкосновение с Европой, если отделим Польшу? Недаром сливала постепенно история племена литовские, малороссийские и польские с великорусскими, недаром замывала она кровью прежние границы...» [16, с. 92–93]. В ответ на намерения императора Александра I восстановить Польшу в прежних границах Карамзин напишет: «Старыхъ крепостей (т. е. крепостныхъ документовъ) нетъ въ политике; иначе мы должны были восстановить и

Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику... Къ тому же и по старымъ крепостямъ Белоруссія, Вольнія, Подолия, вместе с Галицею, были некогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіев, Черниговъ, и Смоленск: ибо они тоже долго принадлежали враждебной Литве...» [18, с. 256].

После распада Речи Посполитой польские вольности с их полпой властью над крестьянами заменяются российскими дворянскими привилегиями с крепостным правом. Здесь, по мнению русских государствоведов Нечволодова, Ключевского, Костомарова, Карамзина, Соловьева и др., Россия не присвоила себе ничего исконно польского, отобрала только свои старинные земли и земли Литвы, на которые давно имела притязания. Положение народа и в этот период не изменилось: «пришлось разделить с российским народом угнетение, нищету и несправие» [27, с. 3]. По подсчетам А. И. Тихонова, на белорусских землях, отошедших к России, проживало 95 % католиков, что явилось основанием проведения «политики располочивания католицизма» [58, с. 144], или так называемой насильственной русификации. Это не вина народа, что он явился рубежом «паломничества» Европы и России.

Потеря национального самоопределения и невозможность обеспечить право на достойную жизнь, приводившие к крестьянским волнениям (хоть и незначительным), свидетельствуют о еще более тяжелом положении белорусского народа, чем простого русского. В подтверждение Г. Лыч приводит такие факты, как увеличение на белорусских землях в 6 раз налогов,

стремление помещиков к наживе за счет увеличения производства товарной продукции для сбыта в необъятной России, а также появление в Белоруссии российских помещиков, во владении которых находилась значительная часть белорусского крестьянства [40]. «Белорус прежде всего пахарь. Раз он чувствует недостаток в земле, он теряется, не умея выйти из затруднительного положения» [27, с. 3]. Однако духовные устои и нравственные стремления оставались прежними и взяли свое: народы потянулись друг к другу, постепенно вливаясь в некогда подзабытое лоно русской жизни.

Таким образом, право на достойную жизнь для белорусского и русского крестьянства как наиболее многочисленного представителя русского народа означало жить по правде в соответствии с христианскими заповедями и сообразно этому строить свою жизнь. В отношении этих незыблемых ценностей Гегель напишет, что «этот моральный образ мыслей и действий выходит за рамки права» [19, с. 71]. Для русского народа достойная жизнь соизмерялась тремя понятиями — это вера, свобода¹⁰, земля. От возможности осуществления последних и зависела нравственная и социальная сторона достойной жизни русского человека. Правовая же сторона, как писал Гуго Гроций, «имеет своим источником волю». Поэтому и здесь воля как право по-русски означало не что иное, как право народа на достойную жизнь, основанную на незыблемых человеческих принципах добра, справедливости, правды, совестливости и трудолюбия.

«Молись и трудись! — было зовомъ славянъ. Отъ Бога начиналъ и Богомъ заканчивалъ все свои занятія; в религіи

искалъ утешенія всемъ своимъ страдающимъ», — так писал польский ученый XIX века В. А. Мацевский о достойной жизни в славянском понимании [43, с. 56,57]. Эти два фактора и составляли повседневную жизнь русского народа. Не зря русская пословица гласит: «Что делается с доброю верою, то и пойдет с доброю верою». Что на практике означало обеспечить себе «добрую жизнь» и помочь другим.

Любовь русского народа к труду отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи русского быта и образа жизни. Например, еще в XVI веке итальянец А. Пассевино, побывавший в России, писал, что здесь «простой народ почти никогда не отдыхает от работ, если не считать дня Благовещения. Таким образом, они заняты работой в воскресенье и во все другие праздничные дни, не исключая пасхальных» [48, с. 28]. При дальнейшем исследовании русской жизни Пассевино тонко подметил, что «они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех» [48, с. 207]. Это значит, что земля — основа благосостояния русского народа, средство обеспечения достойной жизни, кормилица. Почему в России вечным вопросом является аграрный? Потому что все видели в земле источник богатства. Так, помещик обогащался за счет сельскохозяйственной эксплуатации крестьян, а для крестьянина земля служила источником выживания и существования. Об этом наглядно свидетельствует и тот факт, что в 1914 г. Россия занимала одно из ведущих мест в мире по производству сельскохозяйственной продукции, а по утверждению Б. Л. Бразоля, была главной кормилицей Западной Европы [13, с. 7].

Кроме того, даже аграрная политика Петра Столыпина была направлена на сохранение и развитие этой особенности.

Установленная взаимосвязь по обеспечению достойной жизни народа в то время выглядела следующим образом: земля — крестьянин — помещик. Изначально односторонняя связь «земля — крестьянин» в дальнейшем и породила «язву русской жизни» — крепостное право, которое необходимо было для обеспечения достойной жизни элиты русского общества. Для этого класса достойная жизнь соизмерялась наличием земли и крепостных душ, то есть необходимостью извлекать из земли доход. В связи с этим и крестьянская реформа 1861 года есть не что иное, как попытка правящего класса удержать землю в своих руках, а значит остаться по-прежнему богатым.

Не были исключением из этого правила и европейские страны. Проблема земельных отношений легла в основу установления феодального права. Затем были и аграрные революции, приводившие к ломке старых стереотипов. Все это говорит о том, что с момента появления землевладельческой формы обеспечения достойной жизни народов. Такое преимущество сохранялось вплоть до XVIII века, до Великой Французской буржуазной революции 1789 года, после которой на арену выходят капиталистические отношения, а земельные отодвигаются на второй план. С этого момента основой благополучия становится капитал, с наличием или отсутствием которого связаны и национальное богатство, и богатство отдельного лица. Однако на Руси еще долгое время будет господствовать старокapиталистическая фор-

ма отношений, а значит, и старый взгляд на право человека на достойную жизнь.

Говоря о праве на достойную жизнь, закрепленном в законодательных актах Московской Руси, Российской империи или иных источниках русского права, как такового упоминания о нем мы не встретим. Только в жалованной дворянству грамоте 1785 года личные права, которыми наделялось дворянство, «обеспечивались неприкосновенностью дворянского достоинства, защищаемого судом и верховной властью» [55, с. 220]. Однако и здесь под дворянским достоинством понималось не то, что мы ищем или ждем встретить. Достоинство дворянское — это, во-первых, честь дворянская, то есть верность царю и долгу службы, отечеству, запрет совершать противные дворянскому титулу наказуемые деяния и т. п.; во-вторых — это духовные основы жизни русского человека, включающие нравственность как «свободу человека, позволяющую ему осуществлять действия, направленные на установление добра, по собственному внутреннему его побуждению... [руководствуясь] ... голосом совести, признающим над собой высший закон и свободно его исполняющий» [62, с. 165]. Поэтому прав В. Алексеев, считавший, что у нас «разные слои отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами» [1, с. 7].

Русское законодательство еще долгое время не будет знать правового закрепления права человека на достойную жизнь. Даже задуманная императором Александром I конституция с типичным набором европейских прав «была бы величайшей утопией» [59, с. 11], ввиду того что «все величїе, вся судьба Россїи заключается в ... само-

державїи» [51, с. 216]. Данного мнения придерживаются богословы и многие видные ученые как прошлого, так и настоящего времени: П. Новгородцев, Б. Рыбаков, Е. Лукашева, О. Платонов и др. Так, опубликованный социалистами за границей еще в 1905 году проект основного закона Российской империи представлял собой сконструированный под влияниями передовой европейской демократической мысли каркас без кровли, т. е. лишенный единящего народ самодержавного основания [28, с. 347].

Первое же юридическое упоминание о праве человека на достойную жизнь можно встретить уже в XVIII веке: во взглядах и мыслях первых основателей северо-американских штатов и идеологов Французской революции. Прямой формулировки — право человека на достойную жизнь — мы также не найдем в законодательстве того времени, но завуалированно это право можно встретить уже в первых правовых документах по правам человека: американской Декларации независимости (1776) и американской Конституции (1779), во французской *Всеобщей декларации прав человека и гражданина* (1789), которые в то же время являются документами, содержащими гарантии реализации этого права. В мышлении этих народов право человека на достойную жизнь отождествлялось с правом на жизнь и не мыслилось без таких составляющих, как право собственности и свобода. Так, в основе Конституции США¹¹ лежит «принцип индивидуализма, отрицающий господство частной собственности» [30, с. 18]. И неслучайно, поскольку именно эти права и свободы стали идеологическим оружием буржуазии против феодально-абсолю-

тистских порядков, которые и привели к ломке старых стереотипов и утверждению нового порядка. Так, в американской Декларации независимости (1776) заявлено: «Мы считаем очевидной Истиной то, что все Люди созданы равными, что от Создателя они наделены неотъемлемыми Правами, среди которых Право на Жизнь, Свободу и Стремление к счастью» [32, с. 216]. Джефферсон, относя к числу естественных и неотчуждаемых прав человека право на стремление к счастью, полагал, что в этом заключается цель и смысл объединения людей в справедливое общество. Под этим обществом он понимал гражданское, которое «предназначено для того, чтобы способствовать взаимному счастью его членов... Оно не распространяется на будущее существование» [2, с. 356]. А. А. Мишин утверждает, что «категория счастья ... приобретает у американских просветителей специфический характер. Во-первых, принцип стремления к счастью ориентировал людей на постороннее благоденствие, утверждая светский, земной смысл жизни в противоположность религиозному потустороннему взгляду. Во-вторых, ... одновременно предполагает ответственность правительства за его обеспечение» [29, с. 44]. В дальнейшем основа гражданского общества Джефферсона — право на стремление к счастью — стало трактоваться и мыслиться как право частной собственности, идея свободы которой легла во все последующие документы этого государства. Таким образом, «право человека на стремление к счастью», прототип современного права на достойную жизнь, уже в то время в американском сознании осознавалось как совокупность необходимых материаль-

ных благ, которые позволяют с достаточной необходимостью удовлетворять житейские запросы и которые нужно получить сегодня и сейчас. Основой служило право на неприкосновенность частной собственности.

Французская *Всеобщая декларация прав человека и гражданина* (1789), взлелеянная на американских конституционных актах, в статье 2 в качестве неотъемлемых прав также провозгласила свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению [33]. Однако категория человеческого счастья, в отличие от американского понимания, здесь основывается на теории представительства Д. Бенгтама. Согласно этой теории счастье содержится в воле народа, т. е. воле большинства. Таким образом, чем больше счастливых, тем государство и его политика правильнее и наилучшим образом устроены, а политическое счастье влечет за собой и остальное счастье. «Каждый человек стремится к своему счастью и каждый сам всего лучше понимает, в чем его счастье. Поэтому желание счастья присуще народу, всего лучше обеспечивает и способность к выборам», — писал П. И. Новгородцев о бенгтамовской теории народного представительства [42, с. 200]. В то же время учение этого английского философа явилось основой современной теории прагматизма, лежащей в основе американского и европейского общественного устройства. Так, разработанное им и его последователями еще в XVIII—XIX вв. учение о пользе как основе человеческого поведения создало модель «экономического человека», который понимается как просто человек, действующий с целью максимизации индивидуальной полезности, т. е. все поступки

человека обусловлены их полезностью.

Все последующие конституции Франции и ряда других европейских государств имели в основе положения этого учения и этой Декларации, которая «явилась основой и символом для преобразования не только Франции, но всех обществ, желающих жить согласно природе и разуму и пользоваться свободой и благополучием» [53, с. 84]. Бердяев, признавая неотчуждаемые права человека как трансцендентное выражение Божьей свободы [52, с. 87–90], трактовал декларацию прав человека как «изъявление воли Бога»: «Декларация прав Бога и декларация прав человека есть одна и та же декларация» [9, с. 288]. Однако он заблуждался. Первые гарантии обеспечения этого права можно встретить гораздо раньше появления самой идеи права на достойную жизнь. Так, еще в глубокой древности социальные нормы поведения выступали основным регулятором обеспечения достойной жизни членам общины в условиях борьбы с суровыми силами природы. Первые писанные памятники права, такие как Законы XII таблиц, Законы Хаммурапи и др., явились правовым воплощением некоторых гарантий достойной жизни, хотя и для небольшой группы людей. С развитием общественных отношений развивались и гарантии обеспечения этого права. На каждом этапе развития общества происходило становление присущих только этому времени правовых основ обеспечения достойной жизни человека, основанных на экономическом факторе развития государства. Так, в 1883 г. впервые в мире Бисмарк ввел систему обязательного социального страхования, тем самым установив для всех граждан Германской империи правовые гарантии

базового уровня благосостояния.

Таким образом, право человека на достойную жизнь в национальном понимании отличается от его понимания другими народами. Здесь, как утверждал Г. К. Лукомский, «все ... в России приобретает свой специфический характер» [40, с. 5]. Формируясь под влиянием религии, оно вобрало в себя не свойственные правовым стандартам понятия любви, духовности, возвышенности чувств, консерватизма. Законодательное закрепление гарантий реализации этого права предшествовало конституционному развитию самой идеи права человека на достойную жизнь, и XVIII век с его великими социальными потрясениями является веком конституционного зарождения идеи права человека на достойную жизнь в рамках естественно-правовой теории прав человека.

Литература

1. Алексеев В. *Народовластие в древней Руси*. Ростов-на-Дону, 1904.
2. *Американские просветители*. Избранные произведения, в 2-х тт. М., 1968–1969.
3. Ахшезер А. С., Ильин В. В. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. М., 1997.
4. Башилов Б. *Александр I и его время* // www.libereya.ru/biblus/bashilov/6.html
5. Башилов Б. *Враг масонов №1. Массово-интеллигентские мифы о Николае I*. Буэнос-Айрес: Русь.
6. Башилов Б. *Робеспьер на троне. Петр I и исторические результаты совершенной им революции* // www.magister.msk.ru/library/history/mason/basil03.htm
7. Башилов Б. *История русского масонства* // [www.shop.biblio-globus.ru/\(rhqp1j55j34rweu1chvisgiv\)/description.aspx?product_no=865](http://www.shop.biblio-globus.ru/(rhqp1j55j34rweu1chvisgiv)/description.aspx?product_no=865)

8. Банмаков А. А. *Последний Витязь*. СПб., 1912.
9. Бердяев Н. А. *Государство* // В кн.: *Власть и право. Из истории правовой мысли*.
10. Бердяев Н. А. *Русская идея*. М., Харьков, 2004.
11. Бильбасов В. А. *История Екатерины Второй*. Берлин, 1900. Т. 1.
12. Бразоль Б. Л. *Критическія грани*. СПб., 1910.
13. Бразоль Б. Л. *Царствование императора Николая II 1894–1917, в цифрах и фактах*. Мн., 1991.
14. Бразоль Б. *Мир на перепутье*. Белград, 1922.
15. Будак И. Г. *Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века в Бессарабии*. Кишинев, 1961.
16. Валусев П. А. *Дневник П. А. Валусева, министра внутренних дел: в 2-х тт.* М., 1961. Т. 2 (1865–1876).
17. *Возрождение Украины – Руси – Белой Руси в XVI в. – начале XVII в.* Стенограмма лекции, читанной 10 февраля 1945 г. проф. В. И. Пичета. М., 1945.
18. *Волянь. Исторические судьбы юго-западного края*. СПб., 1888.
19. Гегель. *Работы разных лет*. В 2-х тт. Т. 2. М., 1971.
20. Зызыкин М. В. *Патриарх Никол: Его государственные и канонические идеи*. В 3-х ч. М., 1995.
21. Кавелин К. Д. *Собрание сочинений*. Т. 1. Монографии по русской истории. СПб., 1897.
22. Кавелин К. Д. *Собрание сочинений*. Т. 3: Наука, философия и литература. СПб., 1899.
23. Ключевский В. О. *Лекции по русской истории, читанные на высших женских курсах в Москве в 1872–1875 г.* М., 1997.
24. Ключевский В. *Русская история: Полный курс лекций*. Т. 2. М., Мн.: Харвест, 2002.
25. Ключевский В. *Русская история: Полный курс лекций*. Т. 3. М., Мн., 2002.
26. Ковалевский Л. Е. *Исторический путь России* // www.lib.ru/POLITOLOG/OV/Alexey_fn.htm
27. Козлович А. *Ракета над хутором* // Народная воля. 2001. 10 студзеня. С. 4.
28. *Конституціонное государство*. Сборник статей. СПб., 1905.
29. *Конституция США: история и современность*. М., 1988.
30. *Конституция США и реальный порядок*. Киев, 1987.
31. Королев С. А. *Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России*. М., 1997.
32. Королькова Е., Семина Л., Суворова Н. *Право на жизнь, свободу, собственность*. М., 2000.
33. *Как в нашу жизнь вошли права* // www.doroga.karelia.ru/shkola/hacha.htm
34. Костомаров Н. И. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах*. Книга 1. М., 1995.
35. Костомаров Н. И. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах*. Книга 2. М., 1994.
36. Костомаров Н. И. *Русские нравы: Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: исторические монографии и исследования. Автобиография*. М., 1995.
37. Костомаров Н. И., Забелин И. Е. *О жизни, быте и правах русского народа*. М., 1996.
38. Костомаров Н. И. *Историческія монографіи и исследования*. Т. 1: Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1886.
39. Лукомский Г. К. *Русская старина. Архитектура и прикладное искусство*. Мюнхен, 1928.
40. Лыч Г. М. *Трагедия беларускага сялянства*. Мн., 2003.
41. Нефедов С. А. *Первые шаги на пути модернизации России: реформы сер. XVII века* // Вопросы истории. 2004. № 4.
42. Новгородцев П. И. *Введение в фило-*

софию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000.

43. *Очерк истории письменности и просвещения славянских народов до XIV века.* Сочинения В. А. Магницкого. М., 1846.

44. Пичета В. И. *Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития)*. М., 1961.

45. Пичета В. *Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии*. М., 1939.

46. Платонов О. *Терновый венец России. История русского народа в XX веке: В 2-х тт.* М., 1997. Т. 2.

47. Понков Б. С. *Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты*. М., 1974.

48. Пассевино А. *Исторические сочинения о России в XVI в.* («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983.

49. Пункарев С. Г. *Обзор русской истории*. СПб., 1999.

50. Пункарев С. Г. *Россия в XIX веке (1801–1914)*. Нью-Йорк, 1956.

51. Пыпин А. Н. *Общественное движение в России при Александре I. Исторический очерк*. СПб., 1908.

52. *Права человека*. М., 2000.

53. Ренненкампф Вл. *Конституционное начало и политическая воззрения кн. Бисмарка*. Киев, 1890.

54. Романовский Н. В. *История современной России*. М., 1996.

55. Романович-Славатинский А. В. *Дворянство в России отъ начала XVIII в. до отмены крепостного права*. Киев, 1912.

56. Самоквасов Д. Я. *Курс истории русского права*. М., 1908.

57. Тихомиров Л. А. *Монархическая государственность*. СПб., 1992.

58. Тихонов А. И. *Власти и католическое население России в XVIII – XIX вв.* // Вопросы истории. 2004. №3. С. 140–146.

59. Федотов Г. И. *И есть и будет*. Па-

риж, 1932.

60. Чернышевский Н. Г. *Соч. в 2-х томах*. М., 1986.

61. Шельмагин И. И. *Фабрично-трудовое законодательство в России. 2-я половина XIX в.* М., 1947.

62. *Энциклопедия конституционного права*. Мн., 2000.

Примечания

1 Только государственных крестьян по ревизии 1835 года в России насчитывалось свыше 1/3 всего населения. См.: Бочарникова В. И. *Массовое движение государственных крестьян в Западной Сибири в 20–40-х годах XIX века и проект реформы П. Д. Кисилева*. Автореферат. С. 1.

2 Доходы князя в то время составляли дани, получаемые с населения, судебные пени и торговые пошлины. См.: Нечволодов А. *Сказания о русской земле*. СПб., 2003. С. 586.

3 Например, экономическая и юридическая теории (см.: Пичета В. И. *Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития)*. М., 1961) или финансовая теория Н. Петрухинцева (см.: Петрухинцев Н. Н. *Причины закрепощения крестьян в России в XVI веке* // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 23–41).

4 О данном факте свидетельствуют постоянные недоимки по налогам и отсрочки этих долгов.

5 По мнению Д. Я. Самоквасова, «теория свободы крестьянъ эпохи Судебниковъ не имѣетъ фактическихъ оснований; “отказъ” крестьянъ означалъ “плату за выходъ и выводъ” крестьянъ; и крестьяне вышедшіе и выведенные безъ уплаты отказа возвращались владельцамъ установленнымъ порядкомъ съ женами, детьми и имуществомъ». См.: Самоквасов Д. Я. *Крестьяне Древней России по новооткрытымъ документамъ*. М., 1909. С. 13.

6 Репрессивная политика царизма в отношении польского вопроса привела к

тому, что экономическое положение польских земель накануне реформы оставляло желать лучшего. Так, например, по поводу присоединения Подольской губернии к Польше дворяне Каменец-Подольска писали в 1862 году к П. А. Валуеву: «Положение нашего края безобразно, народ без образования..., промышленность лишена капитала и подавлена чрезмерными процентами ... положение такое затрудняет устройство крестьянского дела и угрожает решительным упадком края...» (Вопросы истории. 2004. № 5) Думается, что положение и остальных земель было не лучшим.

7 Даже белорусский историк Я. А. Юхо отмечает, что за последние 20 лет (имеется в виду до 1914 г.) только в Белоруссии построены 825 фабрик и заводов, постоянно росли темпы развития промышленности и сельского хозяйства. В то же время он отмечает, что «сяляне пакутавалі ад бязземля і неіамерных вылікіх надаткаў». См.: Юхо Я. А. *Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі*. Мн., 1992. С. 260.

8 Крестьяне не имели права собственности на землю и недвижимость. Даже *Статут ВКЛ 1588 года* только формально признавал равенство всех перед законом. На деле же многие права белорусских крестьян зависели от усмотрения помещика и его дворовой администрации, например, выбор места жительства, повинностей и установление индивидуальных льгот и т. д. (См.: Юхо И. А. *Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке*. Мн., 1978). О тяжелом положении белорусских крестьян также свидетельствует и их бегство, при усилении гнета, в Запорожскую Сечь, к казакам, в Прибалтику, Молдавию. (См.: Сокол С. Ф. *Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI. — первой половине XVII вв.* Мн., 1984.) О жестокой эксплуатации белорусских крестьян на литовско-польских землях пишет и Пичета; см.: Пичета В. И. *Белоруссия и Литва XV—XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и куль-*

турного развития). М., 1961.; Пичета В. *Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии*. М., 1939.

9 Положение белорусского народа на территориях, отошедших к Польше после Брест-Литовского мирного договора, не изменилось. Народ не стал жить лучше. Так, А. Боровский в своей книге *Белый террор в Польше* приводит примеры массовых убийств и бесчеловечных пыток крестьян, коммунистов, грубых нарушений свободы слова, печати, права на собрания, неприкосновенности жилища и т. д. По его утверждению, белый террор в Польше неоспорим, доведен «в своем отчаянии и сознании близости социального взрыва — до неслыханного, ничем — даже классовой ненависти — не оправдываемых, нещадно-зверинных форм»; см.: Боровский А. *Белый террор в Польше*. М., 1924. с. 5.

10 Современная конституционалистика подразделяет свободу на естественную и человеческую; последняя включает свободу нравственную и внешнюю (гражданскую) (см.: *Энциклопедия конституционного права*. Мн., 2000. С. 302—303). Однако в понимании русского человека того времени свобода определялась неоднозначно, рассматривалась неразрывно с религиозным пониманием и означала естественный выбор своего пути.

11 О. Платонов называет Конституцию США «самым двуличным юридическим документом в истории человечества. Провозглашая свободу и демократию, эта конституция позволяла американцам лишиться юридического гражданства коренной народ этой страны — индейцев (они получили гражданство только в XX веке), почти сто лет способствовала рабовладению и работорговле, лишила избирательного права большинство населения страны (негров и индейцев), поощряла немыслимый произвол и беззакония богатых в отношении неимущих” // См.: Платонов О. *Терновый венец России. История русского народа в XX веке: в 2-х тт.* М., 1997. Т. 2.